

«УТВЕРЖДАЮ»

Проректор по научной работе и инновациям ПГНИУ,
Д.С.М.н., профессор
Валерий Николаевич Катаев

марта 2015 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации – Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет» – на диссертационную работу Мишурина Александра Николаевича на тему «Знание и власть в политической философии Лео Штрауса», представленную на соискание ученой степени кандидата политических наук по специальности 23.00.01 – теория и философия политики, история и методология политической науки.

Проблематизация темы данного диссертационного исследования решена автором в остро политическом, если не сказать вызывающе политическом, ключе. Диссертант прямо связывает господство либеральных ценностей с расширяющейся политической апатией, и далее - с качеством политических решений, обострением политических конфликтов и увеличением масштабов их последствий (видимо, негативных). Либеральный подход к проблеме отношения знания и власти предстает в современности самоубийственным парадоксом: реализованная претензия политического знания на главенствующую роль в политической сфере жизни оборачивается инструментализацией знания, и, соответственно, потерей его стратегического значения. Исходная посылка автора состоит в том, что альтернативу такому положению вещей задает консерватизм в лице, в случае данной работы,

несомненно выдающегося политического мыслителя Лео Штрауса. В скобках можно заметить, что проблематизация темы применительно к России произведена не через противопоставление консерватизма либерализму, а через различие власти (политического режима) и ученых (научного сообщества), что ставит Россию в некоторое особое положение. Автор больше не возвращается ни к вопросу о либеральном подходе к проблеме отношения знания и власти, ни к статусу политического знания в России, что конечно оправдано, так как ни первое, ни второе не является предметом исследования. Граница объектно-предметной области работы задана проблемой отношения знания и власти в философии Лео Штрауса.

Тем не менее, ангажированная проблематизация темы очень важна для данного диссертационного исследования, потому что, во-первых, задает тон и цельность всему тексту и, самое главное, безотносительно к истинности или принятию/непринятию авторской оценки наличного положения вещей, отлично коррелирует с избранным диссертантом методологическим и методическим подходом к достижению цели исследования: «прояснение отношения знания и власти в политической философии Лео Штрауса». Суть этого подхода состоит в том, чтобы использовать для анализа и интерпретации текстов Лео Штрауса методологию и методы, разработанные и применявшиеся самим Лео Штраусом в своих исследованиях. Подобный ракурс всегда выглядит интеллектуально привлекательным и при разумном использовании может давать плодотворные научные результаты. И, как представляется, диссертанту в целом удалось их получить.

Штраусианские методология и краткая методика анализа и интерпретации текстов эксплицированы в параграфе «Общие особенности штраусианской критики» (с.13-19; можно добавить в качестве небольшого замечания, что этот фактически инструментарий исследования было бы, возможно, разумнее поместить во введение или по крайней мере обосновать его представление в основной части работы). Здесь читатель может видеть сколь

своеобычны штраусианские подход в целом и метод «внимательного чтения» в частности: различение экзо- и эзотерических смыслов текста, постулирование неизбежной ангажированности автора, принцип телеологичности философского текста и много другое. Уровень своеобычности и, если угодно, произвольности методов штраусианской критики оказывается столь высок, что диссертант даже замечает, что их «нельзя считать ни научными, ни даже объективными». С этим замечанием, по крайней мере, в отношении научности, невозможно согласиться. Скорее можно видеть, что методологический инструментарий Штрауса не соответствует мейнстримному пониманию позитивистской научности или даже является антипозитивистским. Но это само по себе не делает его ненаучным. 20 век дал блестящие образцы научной критики позитивистской научности и Лео Штраус как раз один из признанных авторитетов такой критики. Вместе с тем, своеобычие штраусианской методологии в немалой степени определяет своеобычие наследия этого политического философа, что отражается в его противоречивом, дискретном и тенденциозном восприятии, кратко обозначенном диссертантом во введении и в начале основной части работы.

Так или иначе, основное содержание работы представляет собой тщательное и в достаточной степени методичное применение данного методического инструментария к текстам Лео Штрауса для достижения поставленной цели – «прояснение отношения знания и власти» в его политической философии. Можно видеть, что «прояснение» происходит посредством двух взаимосвязанных, но все же различных исследовательских процессов: «детализации» отношения знания и власти в работах Лео Штрауса, посвященных анализу трудов Фукидида, Ксенофонта, Платона, Аль-Фараби, Маймонида, Галеви, Макьявелли, Спинозы и Ницше, и «концептуализации» того же отношения в его политической философии. Механизм и сам ход концептуализации оказывается скорее скрытым от глаз читателя. Но результат выглядит вполне продуктивным и не противоречащим ходу и результатам

процесса «детализации», занимающим львиную долю основной части диссертационного исследования.

Общая концептуальная схема, даваемая автором, выглядит следующим образом. Штраус в поисках собственного понимания отношения между властью и знанием «спускается» к истокам политической философии через три исторических периода: современность, средние века и античность. Оказывается важным, что эти три периода метаисторически маркируются тремя формами политического правления: демократия, монархия и олигархия (также даны в обратном хронологическом порядке). Это важно, потому что связано с логикой легитимации власти знанием, и соответственно, ролью политического философа как носителя знания и ролью самого знания в отношении с властью: знание как ведущая сила и политический философ как ученый и идеолог в современности; знание как союзник (власти) и философ как теолог в средневековье; знание как подчиненный власти и философ как поэт и историк в античности.

Данная концептуальная логика задает саму структуру работы. Она состоит из трех частей, последовательно ведущих читателя вслед за Штраусом к истокам политической философии. В первой части «философия и демократия» диссертант вслед за Штраусом последовательно обращается к Ницше и Хайдеггеру, Спинозе и Макьявелли, а также Гоббсу и некоторым другим фигурам. Общая логика этого обращения состоит в том, чтобы найти основания для начала движения мысли Штрауса вглубь времен. Для этой цели наиболее адекватными персонажами оказываются Хайдеггер и Макьявелли, что вполне ожидаемо в силу известного негативного отношения Штрауса к ним, к результатам их творчества. При этом невозможно не заметить, что само утверждение, например, Макьявелли как учителя зла, порывающего с классической традицией, не могло быть вынесено без одновременного существования в этой самой классической традиции, что в избранной концептуальной логике видимо должно означать, что она не прерывалась, по

крайней мере, до конца, и оказалась способной возродиться в самом Штраусе. Интересным в данной части оказывается обращение к Ницше и определение Штрауса как ницшеанца. Ключевым здесь оказывается усвоение Штраусу глубинного основания его методологии – метод воли к власти. В некотором смысле воля к власти оказывается глубинным мотивом самого политического философствования. Это важно, потому что дополняет встречную и более очевидную, лежащую на поверхности интенцию: власть нуждается в легитимации самой себя знанием. Но речь, конечно, должна вестись о встречном движении. При полном понимании, что оно не обязательно синхронизировано и не зеркально симметрично.

Во второй части «монархия и философия» штраусианский метод интерпретации текстов применяется к анализу штраусианских же работ, посвященных Галеви, Маймониду и Аль-Фараби. Это важная часть диссертации, в ней поднимается проблема политизации религии откровения. При этом оказывается, – и это находится в некотором напряжении с общей концептуальной схемой работы – что в средневековье политический философ может остаться таковым и не слиться до конца с теологом. Правда, чтобы найти таковых Штраусу пришлось обратиться к средневековой Восточной философии, а не Западной. Между политическим знанием и властью стоит теология, которая становится предметным полем для освоения политическим знанием власти. Эта часть диссертации самая небольшая по объему – всего 28 страниц, что косвенно указывает на ее промежуточный характер не только в структуре текста, но и в смысловом отношении. Это отчетливо видно в анализе штраусианского Аль-Фараби, содержание которого буквально требует (через платоновскую тему) сделать дальнейший шаг, к античности.

В третьей части диссертации «олигархия и философия» штраусианский метод интерпретации текстов в применении диссертанта разворачивается в полную силу. В этой, самой большой по объему, части работы, автор проводит читателя через Платона (и Сократа), Ксенофонта, Фукидида. Селектирует

работы самого Штрауса, посвященные этим фигурам и их текстам, смело выстраивает эти работы в «правильном» порядке, объемно комментирует и интерпретирует Штрауса. Здесь рассыпано множество интересных замечаний и наблюдений, которые нелегко (или даже невозможно) кратко суммировать. Но основная мысль, корреспондирующая важному элементу общей концептуальной схемы – политическое знание как нечто подчиненное власти в античности, видимо состоит в том, что «политика ... стоит выше философии или что мудрость вторична по отношению к смелости» (с 113) или в ином разрезе – «политика богаче философии: в ней есть место тому, что из философии изгнано, ... а именно – случаю» (с 114).

Эта мысль, по-видимому, очень важная для Штрауса в интерпретации диссертанта, должна быть, конечно, как-то связана с усвоенной же Штраусу ницшеанской по происхождению мыслью о философии как «наиболее духовной воли к власти» и, далее, с неоднократно подчеркиваемой продуктивностью, предложенного Штраусом подхода к пониманию отношения власти и власти. Дело в том, что, насколько можно понять, продуктивность штраусианского подхода выразилась не только в том, что ему удалось основать собственную школу политической мысли, но также в том, что Штраусу удалось «оказать серьезное влияние на развитие консервативной мысли в Северной Америке и стать прародителем сразу двух консервативных течений» (с. 129). То есть речь идет о том, что политическое философствование Штрауса преодолело пределы собственно научного знания и получило некую форму политической реализации. Получается, что «наиболее духовная воля к власти» нашла свое политическое воплощение.

Это открывает важную и интересную тему, развитие которой выходит за рамки предметной области исследования и диссертант останавливается здесь. Если оставаться внутри собственно политической философии Лео Штрауса, можно было бы поинтересоваться тем, как автор может быть уверен в том, что реконструируемый им штраусианский подход к пониманию отношения знания

и власти есть именно тот подход, который позволил оказать влияние на развитие консервативной мысли, т.е. в том числе был воспринят учениками и последователями политического философа? Ведь как сам диссертант постулирует еще во введении, на пути подлинной интерпретации мысли автора (в нашем случае - Штрауса) разные комментаторы всегда будут получать разные результаты в зависимости от того, в какой степени совершенства они овладели штраусианским методом. Из этого должно следовать, что реконструкция диссертанта должна отличаться от иных реконструкций. Вопрос, разумеется, в степени. Но означает ли это, например, что «подлинных интерпретаций» может быть больше чем одна? Или что и неподлинная интерпретация может иметь политическое значение?

Но данные вопросы являются скорее дискуссионными и, наверное, требуют для ответа на них выхода за предметное поле работы, а потому не могут умалить достоинств реализованного диссертантом законченного оригинального исследования значимой научной проблемы. Представляется, что в целом Мишурину А.Н. удалось обосновать в результате проведенного исследования положения, выносимые на защиту. Полученные в ходе исследования результаты обладают необходимой новизной и значимостью. Содержание автореферата соответствует основным идеям и выводам диссертации. В публикациях содержатся все основные положения диссертационного исследования. Работа прошла необходимую апробацию. Все это позволяет сделать вывод, что работа отвечает требованиям раздела II Положения о порядке присуждения ученых степеней, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор Мишурин Александр Николаевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата политических наук по специальности 23.00.01 – теория и философия политики, история и методология политической науки.

Отзыв подготовлен кандидатом политических наук (23.00.02), доцентом Константином Андреевичем Сулимовым, обсужден и утвержден на заседании кафедры политических наук историко-политологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета 11 марта 2015 года, протокол № 4.

Заведующая кафедрой политических наук историко-политологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета,
доктор исторических наук, профессор

Любовь Александровна
Фадеева

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»
614990, г.Пермь, ул.Букирева, 15
Тел.(342) 239-65-02
Email polsci@yandex.ru

